

На правах рукописи

УДК 88.109+398(=81)

ЛЕВИНТОН
Георгий Ахиллович

К ОПИСАНИЮ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ
СЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА
СО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРАГМАТИКОЙ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03. — СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
(ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА, 1988

Работа выполнена в секторе структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Научный руководитель —
доктор филологических наук В. Н. ТОПОРОВ

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, академик Н. И. ТОЛСТОЙ
кандидат филологических наук Ю. С. МАРТЕМЬЯНОВ

Ведущее учреждение — кафедра русского языка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Защита состоится «12» мая 1983 г. в _____ часов на заседании специализированного совета Д-002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения и балканистики АН СССР по адресу: 125040, Москва, Ленинградский пр., д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики АН СССР (Трубниковский пер., д. 30а).

Автореферат разослан «1» ию 1983 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

Т. В. МИХАЙЛОВА

В современной лингвистике особое значение приобрело понятие текста, играющее центральную роль в целом ряде направлений и разделов науки о языке. К их числу относятся, во-первых, собственно лингвистика текста, во многом связанная с развитием структурных методов описания и интерпретации текстов в экстралингвистических областях (поэтике, фольклористике); во-вторых, работы, посвященные проблемам реконструкции праславянских текстов (и текстов на иных языках), в-третьих, этнолингвистика, в особенности в том ее варианте, который представлен сборниками и конференциями Института славяноведения. С другой стороны, всё большее значение приобретает проблема соотношения лингвистических и экстралингвистических элементов, как внутри одного текста, так и во взаимодействии текста с его внелингвистическим окружением.

Текст, реконструируемый для праславянского состояния, должен, разумеется, быть типологически "правдоподобным", в семантическом и прагматическом аспектах — этим критериям удовлетворяют тексты мифологические и ритуальные. Кроме того, обряд оказывается наиболее интересным полем для исследования отношения вербальных и невербальных компонентов, т.к. в нем эти коды сосуществуют внутри одного текста. В качестве объекта был избран славянский свадебный обряд — традиционный предмет исследований в области "славянских древностей", постоянно привлекаемые в работах по реконструкции (можно отметить и то, что одна из последних прижизненных книг великого компаративиста-мифолога Ж. Дюмезиля называлась "Le mariage indo-européen"). Но если достоинство этнолингвистического подхода состоит в его комплексности, слитности лингвистических и внелингвистических методов, то в данной работе представлялось целесообразным, напротив, выделить из всего множества проблем, связанных со славянским свадебным обрядом, собственно лингвистические аспекты его изучения (разумеется, не упуская из вида их взаимосвязей с прочими сторонами вопроса).

Актуальность настоящей работы обусловлена кратко охарактеризованным выше теоретическим контекстом; важностью комплексных исследований на "границах" наук (в данном случае, лингвистики, поэтики, этнографии и фольклористики), при четком теоретическом разграничении компетенции каждой из них; необходимость систематического исследования такого значительного ма-

териала как славянский свадебный обряд (именно в общеславянской перспективе), опирающегося на методологические достижения последних десятилетий, а также наличием ряда спорных проблем и общетеоретического, и конкретного характера, таких, как статус общеславянского инварианта обряда и его отношение к реконструкции, вопрос о диалогической природе свадебного обряда, необходимость уточнения многих этимологий и др.

Предметом работы является славянский свадебный обряд, т.е. континуум вариантов, состоящий из отдельных этнических и региональных традиций, представленных конкретными описаниями обрядов, записями словесных текстов и обрядовой лексики.

Цель работы состоит в проверке применимости различных лингвистических методов к исследованию такого специфического объекта как сложно организованный текст, сочетающий элементы разных кодов (языковых и экстралингвистических). Тем самым представляется возможным определить перспективные пути реконструкции праславянского ритуала (в дальнейшей – индоевропейской – перспективе), от самых общих его характеристик до отдельных элементов (в частности, лексических). Разумеется, осуществление полной реконструкции текста в наше время неосуществимо, не только из-за ограниченности возможностей одного исследователя, но, видимо, и в силу состояния всей науки о реконструкции текстов.

Поставленная цель предполагает решение ряда частных задач:
1. уточнение различных понятий текста, применительно к обряду;
2. определение статуса и функций собственно лингвистических элементов в обряде, и в частности 3. семантики и функций целых словесных текстов в их отношении к семантике обряда в целом и 4. особенностей обрядовой лексики как терминологической метасистемы и как лексики поэтических текстов, бытующих в ритуале.

Новым в работе представляется прежде всего последовательное применение лингвистических методов к разным сторонам и уровням обрядового материала; последовательное разграничение и в то же время семантическое сопоставление лингвистических и экстралингвистических компонентов и аспектов обряда; выявление специфики обрядовых элементов не только на лексико-семантическом, но и на иных уровнях (морфологические и синтаксические особенности обрядовой лексики). В контексте предлагаемой автором интерпретации свадебного обряда многие традиционные ре-

зультаты получают новое осмысление: это относится к самому понятию обрядового текста, толкованию словесных текстов, отдельным этимологиям.

Теоретическое значение работы не сводится к изучению одного только свадебного обряда, намеченные пути исследования применимы и к другим ритуальным текстам, и – шире – к реконструкции сложных текстов вообще. Отдельные положения диссертации могут внести вклад в теоретические проблемы этимологии, семантики, антропонимики (особенно в прагматическом, т.е. наименее изученном ее аспекте).

Практическое применение общие и частные результаты работы могут найти прежде всего в дальнейших исследованиях по славянскому обряду и праславянской культуре в целом, в этимологических и семантических изысканиях в области обрядовой лексики (а следовательно – в этимологических словарях славянских языков, в этнолингвистических словарях, "Словаре древностей" и других подобных обобщающих работах). Наконец, они могут быть использованы для координации исследований обряда, проводимых разными методами и в рамках разных наук.

Методы исследования обусловлены спецификой его материала и задач – проверки различных методов на материале обряда. В нем, соответственно, используется и обсуждается целый ряд методов и направлений. Основными среди них являются: 1. структурный анализ текста (т.е. синхронное описание); 2. типологический подход к общеславянскому обряду (т.е. представление вариантов обряда как непрерывного континуума, на основе которого строится общеславянский инвариант) и 3. сравнительно-исторический метод, направленный на реконструкцию текста и отдельных его элементов.

Материалом работы послужили: 1. многочисленные этнографические описания славянских свадебных обрядов и обобщающие работы по свадьбе; 2. фольклорные сборники, содержащие обрядовые тексты; 3. обрядовая лексика, во-первых, представленная в диалектных и исторических словарях, во-вторых, извлекаемая из текстов, т.е. из источников первых двух групп и из других текстов, касающихся брачной и свадебной тематики (записи диалектных рассказов об обрядах, древние юридические, теологические и пр. тексты на славянских языках).

Апробация работы. Основные положения и конкретные выводы диссертации излагались в ряде докладов, начиная с доклада на XXV студенческой научной конференции Тартуского университета (апрель 1970 г.), в том числе: на I Всесоюзном симпозиуме по вторичным моделирующим системам (Тарту, февраль 1974 г.); на конференции "Народная гравюра и фольклор в России. Чтения памяти Д.А.Ровинского" в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве (февраль 1975 г.); на конференциях "Фольклор и этнография" в Ленинградском институте этнографии АН СССР (1974, 1980 - "Первые пропповские чтения"); на конференциях Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (1973, 1974, 1976); на конференциях Института славяноведения и балканистики АН СССР в Москве, а именно: конференции по ностратическому языкознанию памяти В.М.Иллич-Свитыча (1977), "Ревзинских чтениях" (1977), конференции "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд" (1985). "Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора" (1988); на заседаниях сектора структурной типологии Института славяноведения и балканистики (1971, 1972, 1974) и др.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, приложения и списка использованной литературы, включающего 639 названий. В приложение вошли этнографические и фольклористические экскурсии, дополняющие основную, лингвистическую часть работы. Объем диссертации - 188 с., объем приложений - 113 с.

Содержание работы. Во введении обосновывается выбор темы, дается краткая характеристика основных подходов к исследуемому материалу.

В первой главе рассматриваются основные теоретические вопросы и предпосылки работы. Проблема применения лингвистических методов к обрядовому тексту заставляет прежде всего выяснить, в какой мере применимы к обряду различные концепции текста - от самого широкого, семиотического понятия до специальных лингвистических трактовок этого термина. Проверяется приложимость таких критериев, как с в я з н о с т ь в различных вариантах ее толкования современной лингвистикой текста и рассматриваются трудности приложения таких чисто лингвистических признаков к сложному тексту, состоящему из языковых и неязыковых элементов. Выясняется, что адекватность таких кри-

териев снижается по мере движения от высших уровней к низшим (например, бесспорна связность текста на семантическом уровне: он обладает сюжетом, единством персонажей и т.п.), что не исключает связности внутри отдельных компонентов (скажем, конкретной песни). О связном тексте применительно к ритуалу можно говорить только для текста в целом, в единстве его вербальных и невербальных компонентов (т.е. если выделить из обряда весь словесный текст, произносимый в нем, то он вне своего обрядового контекста не обладает связностью, как не обладает ею, скажем, набор подписей под серией картинок в отрыве от изобразительного текста).

Этот вид связности проявляется прежде всего в таком специфическом виде "повтора" как соположение (последовательное или синхронное) невербальных элементов (объектов, действий), с их вербальной экспликацией в словесном тексте, причем такой повтор (в определенном смысле сходный с явлением прономинализации и с заменой вербальных элементов жестовыми знаками в устной речи) является едва ли не основным в создании связности текстов изучаемого типа. С другой стороны, существенным для организации текста является отнесение большого числа вербальных элементов к одним и тем же объектам (в частности — персонажам) во вневлигвистической реальности.

Проблема связности текста обряда оказывается непосредственно сопряженной с его диалогической природой. Исследование проблемы диалогичности обряда в сущности сводится к тому же приему: проверке различных лингвистических критериев на ритуальном материале. Обряд признается диалогическим текстом на основании таких явлений как реплицирование (Якубинский) и наличие двух точек зрения (Волошинов) при единстве кода. Можно говорить о наличии в рамках одного обряда двух текстов — текстов двух сторон, двух партий — жениха и невесты, — обозначенных М-текст и F-текст.¹

Сложноорганизованный текст требует и выяснения вопроса о соотношении разных кодов в семантическом аспекте. Здесь выявляется принцип прекодировки единого смысла эле-

¹ Подробнее см. [1]. Цифры в квадратных скобках обозначают номер в списке работ диссертанта в конце автореферата.

ментами разных кодов.² Это, естественно, заставляет обратиться к определению смысла как инварианта различных перекодировок, принадлежащему К.Шеннону (в частности, особенно плодотворному для изучения мифологических текстов). Одновременно шенноновское определение подразумевает возможность трактовать смысл как конструкт, вводимый для описания соответствий в наличном материале, что вполне совпадает с определением как типологического инварианта обряда, так и его (диахронической) реконструкции. Иными словами, задачи описания (связанного с инвариантом), интерпретации (связанной со смыслом) и реконструкции могут быть сформулированы как одна и та же задача. При переходе от синхронного (а точнее "ахронного") инварианта к реконструкции одним из критериев служит как раз интерпретация – т.е. в сущности (для фольклорных текстов, бытующих много веков) реконструкция плана содержания исследуемого текста [ср. 5].

Во второй главе сделана попытка определить общий статус вербальных элементов разных уровней в структуре обрядового текста. Здесь рассматриваются два основных вопроса. Во-первых, на уровне лексики, словаря свадебного обряда в целом, принципиально важным оказывается разделение на лексику, входящую в обряд, т.е. принадлежавшую тем или иным текстам (жанрам, "ролям" и т.п.), составляющим словесный компонент ритуала, т.е. внутробрядовую, и на лексику метаобрядовую, описывающую сам обряд, его компоненты, участников и т.п. – т.е. ту, которая традиционно изучается как обрядовая терминология.³

² Особенно важно отметить проблему хронологической соизмеримости реконструкций разных кодов: так, археологическая, этнографическая и лингвистическая реконструкции – произведенные порознь – в принципе не могут сравниваться, так как относительная хронология элементов этих систем относится к разному времени, к разным относительным хронологиям.

³ Это противопоставление фактически совпадает с разграничением "поэтической" и "непоэтической" лексики в работах А.В. Гуры (поскольку слова, употребляемые в обряде, входят именно в "поэтические" тексты). Однако в той теоретической модели, которая используется в настоящей главе диссертации, термин "поэ-

Во-вторых, для элементов разных уровней, прежде всего целых словесных текстов рассматривается система их функций в обряде с точки зрения основных функций всякого речевого акта. Для этого к обрядовому материалу прилагается известная схема коммуникации, разработанная в ряде статей Р.О.Якобсона в 50-х годах. Анализ выявляет специфику реализации шести функций речевого акта в обрядовом тексте: в частности, весьма нетривиальным образом проявляется метаязыковая функция (в виде тропов и мотивов, эксплицирующих значение различного рода иносказаний, метафорических замен и т.п.). Особый интерес представляет референтная функция, направленная на контекст сообщения, т.к. для обрядового текста таковым является сам обряд, то значение такого текста можно определить через понятие референтной функции, как описание и перекодировку самого ритуала, его вербализацию и интерпретацию.⁴ Это согласуется с идеями Э.Бенвениста о месте языка среди других семиотических систем как универсального интерпретатора.

Общее утверждение о референциальной связи словесных текстов с обрядом конкретизируется и подтверждается анализом подобных текстов.

тический" имеет более узкий смысл и во избежание омонимии целесообразно было отказаться от этого его употребления.

⁴ Так как эта точка зрения уже вызвала возражения (см. Седакова О.А. Метафорическая лексика погребального обряда // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 20), сводящиеся к тому, что "и семантика вербальных компонентов, и параллельные ей символические значения ритуальных реалий и актов" не ограничиваются обрядом, а "выводят за обряд, в область общих мифических представлений", - то необходимо пояснить, что предлагаемая нами формулировка отнюдь не исключает того круга значений, о котором говорит О.А.Седакова. Словесный текст может отражать сколь угодно широкую картину мира (или ее фрагмент), но лишь в той мере, в какой соответствующие концепты составляют план содержания самого ритуала, в котором этот словесный текст фигурирует.

В третьей главе подробно разбираются три текста, причем для наглядности выбраны тексты разных жанров свадебного фольклора. В задачу первого разбора входит не только выявление специфики организации обрядовой песни, но и ответ на более общий вопрос: обладает ли самостоятельным значением (и при этом значением традиционным, не относящимся к "исполнительским инновациям") отдельный вариант фольклорного текста [см. 8]. Ответ на этот вопрос предполагает интерпретацию тех элементов, которые специфичны для выбранного варианта – а это прежде всего элементы низших уровней. Таким образом чисто семантическая задача приводит к необходимости разбора в первую очередь грамматических элементов текста. Это не только подтверждает приложимость метода "грамматики поэзии" к фольклорным текстам, но и позволяет поставить вопрос о нетривиальных лингвистических аспектах изучения обрядов и обрядового фольклора – а именно, морфологической, синтаксической и т.п. специфике словесных элементов обряда.⁵ Так в первом разборе главную роль играет падежная система: специфика употребления падежей применительно к представителям партии жениха и партии невесты проецируется на признак "активность/пассивность", которым характеризуется поведение соответствующих персонажей (отголоски этого признака в его более лингвистической форме: "активность/инактивность" прослеживаются и в обрядовой терминологии [12]).

Четвертая глава – основная в диссертации – посвящена анализу свадебной лексики (как внутриобрядовой, так и метаобрядовой) в этимологическом и в семантическом аспектах. Нужно оговорить, что, если для реконструкции текста необходимо, как правило, строгое этимологическое соответствие сопоставляемых лексем, то для целого ряда задач семантической интерпретации текста требования часто оказываются менее строгими: когда речь идет о семантике текста (не столько об истории и достоверном "происхождении" слова, сколько об его функционировании и даже восприятии носителем) различного рода квазиэтимологические связи, ас-

⁵ Эта тема развивается далее в главе 4-й в связи с морфологическими и синтаксическими особенностями некоторых разбираемых слов. Некоторые примеры такого подхода были собраны нами в статье [11].

социации, паронимия и т.п. оказываются не менее информативными, нежели собственно этимологические отождествления. Там, где этимологическое (лексическое) исследование стремится к выбору одного из нескольких возможных отождествлений, исследование, ориентированное на реконструкцию текста, на выяснение мифологического содержания термина, может, вообще говоря, и не делать этого выбора, т.к. в конечном итоге часто оказывается, что слово ведет себя таким образом, как если бы все (или многие) этимологические гипотезы были верны. Так для слова невеста в славянских языках: нетрудно найти такие контексты, которые подтвердили бы каждую из предлагавшихся этимологий (во всяком случае тех этимологий, которые трактуют первый элемент как *ne - "не" или *neu- "новая", "вновь"; и второй элемент как производное от *vedh- "вести" или *vedh- "знать").

Четвертая глава посвящена в основном исследованию отдельных терминов, но две группы лексики выделяются особо. Это, во-первых, антропонимы, во-вторых, терминология родства и свойства. Антропонимы в свадьбе - это, по существу, не класс лексики, т.к. конкретные имена, которые входили бы в инвариант обрядового текста, употребляются очень редко, таковы, например, Кузьма и Демьян, иногда заменяемые другой парой (Борис и Глеб, Петр и Павел) или другие имена святых, так же соотношенные с текстом по "этимологическому" принципу, как "Кузьма - с к у й свадебку" (например: "Св. Лука - с о л у ч и жениха с невестой" и т.п.). Имена же людей, участников обряда - это вообще не с л о в а, но лишь некоторые заполняемые ad hoc позиции в тексте. В сущности в обряде происходит смена функций антропонима: указание на реальное лицо - функция для обряда побочная, связывающая обряд с внеобрядовой реальностью и актуальная только для отдельного исполнения. В обряде как инвариантном тексте значение имени сводится к тому, что в бытовом употреблении для антропонимов маргинально: например, Иван - это "мужское полное имя". Функция его употребления - выделение тех персонажей, которые в обряде называются по именам (в отличие от тех, кто именуется только по названию чина, как дружка, сват и т.п., или вообще не именуется). Сходным образом функция отчества в обряде - "быть отчеством" (т.е. "знаком торжественности, официальности"). В работе специально разбирается формула величания, в которой имя и отчество стоят в параллельных строках (подобный текст анализируется в гла-

ве 3), и показывается, что имя отделено от отчества потому, что это не готовое сочетание, а новая номинация, здесь и сейчас впервые присваиваемая молодым (материалы полевой антропоники, несмотря на свою малочисленность, позволяют сказать, что именование по имени и отчеству, как правило, применяется только к женатым и замужним). В то же время для невесты такое "расстояние" между именем и отчеством имеет смысл не только "присоединения" отчества, но и его отделения, т.к. на место отчества должно встать прозвание по мужу типа совр.диал. Иваниха или др.рус. жена Иванова.

Что касается терминов родства, то для них особенно актуально разделение лексики на внутриобрядовую и внеобрядовую. Терминология родства выступает как некоторый фон, на котором разыгрывается обряд, т.к. установление новых отношений, определяющих всю родственную систему, может на определенном уровне считаться основной функцией свадьбы. С другой стороны, внутри обряда терминология родства модифицируется, как в плане выражения (метафорические замены терминов родства), так и в плане содержания — сдвиги, связанные со "значимостью", с местом в системе, обусловленные тем, что в рамках обряда представлена не вся терминология родства, отсюда — изменения в сочетаемости и в осмыслении отдельных терминов; так для некоторых текстов (как, например, причитания невесты-сироты) функция родителей в обряде сводится к роли "того, кто благословляет", т.е. как и в случае с собственными именами, речь идет не "о людях", а о некоторых персонажах обряда. Можно сказать, что внутриобрядовая терминология родства представляет собой "отображение" внеобрядовой терминологии родства на обрядовую лексику, т.е. модель системы родства в обрядовом тексте.

Анализ терминологии родства как метаобрядовой системы может много дать для понимания семантики обряда. Так, общеизвестный факт совпадения названий "мужа", "жены" и "мужчины", "женщины" (взрослых в физиологическом и в социальном смысле) при отличных от них названиях для "юноши" и "девушки" является наилучшим подтверждением осознания функции свадебного обряда как переходного (в смысле А. ван Геннепа), превращающего молодых во взрослых людей.

Особенно актуально для свадьбы противопоставление родства и свойства. Система кровного родства "предшествует" обряду, а

отношения свойства в каждом конкретном случае этим обрядом и устанавливаются; термины свойства (так же как и отчества) появляются на свадьбе *in statu nascendi*, употребляются применительно к данному лицу в п е р в ы е. В связи с терминологией свойства подробно анализируются этимологии терминов, включающих продолжения и.е. **zue-* (Бенвенист, Семереньи, Исаченко, Трубачев).

Из свадебных текстов отчетливо видно, в какой — единственной — области сливается терминология родства и свойства: в системе терминов обращения; возможно, что некоторые ошибочные утверждения о неразличении категорий родства и свойства (тогда как в действительности можно говорить лишь об их "со-противопоставлении", подчеркивающим парадокс "по-роднения" с чужими) вызваны недостаточным учетом специфики терминов адресации. В этой функции термины свойства табуированы до нашего времени, видимо, в силу присущей им коннотации чуждости. В русских свадебных песнях встречаются термины типа чужая матушка 'свекровь' (представляющих совершенно точную параллель к названиям свойства современного английского или французского типа) и в них "классификатором свойства" служит слово чужой.

В области внутриобрядовой лексики (заменяющей соответствующие метаобрядовые термины) особый интерес представляют разнообразнейшие наименования 'жениха' и 'невесты'. Русским терминам князь и княгиня посвящен специальный экскурс [9], включенный в Приложения. Эти наименования интерпретируются как способ обозначения возрастного перехода, происходящего в свадьбе, через 'старшинство' в социальной иерархии. Из других коннотаций терминов особенно важны космологические (ср. пол. *księżyc* 'месяц'), а также значения, связанные с "исключительностью" или с "возрастанием": князек 'зверь (куница, соболь, мышь) белого цвета', князек 'колос, растущий выше средней высоты нивы, созревающий прежде других'.

Другой термин, обозначающий жениха, чуж представляет сложное скрещение разных по времени смыслов; более позднего, современного смысла, связанного с осознанием жениха как представителя чужих, и более раннего, этимологического смысла — от и.е. **teht-/*toht-*, связанного с идеей 'наполнения', а также 'увеличения', 'роста' (чем объясняется др. рус. штоудь 'великан'). Таким же образом невозможно "выбрать" между соотносении-

ем названия куна (метафора 'невесты') с куна — 'выкуп' или с кунка 'vulva'. Последнее, видимо, все-таки нельзя оторвать от названия животного, с которым и сравнивается в песне невеста; т.е. направление перехода могло быть как от метафоры невеста-куница к кунка в указанном значении (Якобсон), так и от куна, куница как названия гениталий к метонимическому обозначению 'невесты', откуда возникает метафора куница-невеста, причем в любом случае эти связи не могут исключить или "перевесить" связь с собственно обрядовым термином куна. Таким образом разумнее говорить о некотором комплексе терминов и значений (причем, вероятно, каждый из терминов имплицитно и значения остальных), который можно, видимо, спроецировать и на общеславянское состояние.

В связи с важнейшей для свадебного обряда категорией взаимности, которую исследовал для индоевропейских традиций Бенвенист, важно отметить, что та "полисемия" и.е. dō- — 'давать' и 'брать', которая свидетельствует о его первоначальном значении термина обмена, находит типологическую параллель в развитии значений и.е. *bher-, что тем более существенно, что дать и брать/взять — основные славянские термины, описывающие отношения сторон в браке. Продолжения и.е. *bher-, для которых, как правило, постулируется исходное значение 'нести', в разных языках принимает значение, во-первых, 'брать' (слав. brati), во-вторых (в префиксальных формах), значение 'давать': др.-ирл. doibiu, др.-иран. fra-bara и его соответствия хорезм. haβar-, согд. β'g-, ягнобск. tifar-, причем для иранских слов засвидетельствованы ритуальные употребления в связи с браком. Можно думать, что речь идет не только о типологической параллели, какой было бы развитие значений глагола 'нести' с различными "направительными" префиксами, так как данные внешнего сравнения заставили Илич-Свитыча признать значение 'брать' исходным, т.е. объяснение, данное Бенвенистом и.е. *dō-, может быть приложено и к и.е. *bher-. Отметим, кстати, взаимность значения в слав. brakъ (и морфологическое ее выражение в мотивирующем глаголе brati se, ср. в чешском употребление соответствующего глагола и с женским субъектом).

Другой термин взаимности — слав. drugъ. Большое число производных в разных славянских языках со значением 'супруг(а)' связано именно с этой функцией и находит множество семантиче-

ских параллелей в лексическом синкретизме названий 'друга' и 'супруга': ср. известные наблюдения, касающиеся и.е. *prija-, греч. φίλος отчасти ἑταῖρος (показательно: ст.сл. ДРОУГЪ жениха переводит евангельскую формулу φίλος τοῦ νομφίλου), ср. еще рум. sofia 'жена', др.-мрл. célu 'друг', 'муж' и т.п. Особенно интересен термин дружка, связанный как с дружина (дружка, как чин в дружине - ср. и укр. дружина 'жена'), так и с другъ 'второй', во-первых, в связи с темой 'парности', 'двочности' (диал. дружка 'пара', 'название парных предметов' и т.п.), во-вторых, как в т о р о й чин после жениха (Даль, ср. чин третьяк) и как другъ 'иной', т.е. дружка 'не-жених' - заместитель жениха (ср. нарративные мотивы типа "Нибелунгов"), что связано с частым соотношением 'иного' и 'друга', ср. др.-инд. arí и т.д. вплоть до известного сопоставления обозначений взаимности в рус. друг друга и хет. arax arax). При этом др.-ирл. célu 'друг', 'муж' выступает в качестве местоимения 'другой (из двоих)', но особенно интересно, что в женском роде, в этом местоименном значении выступает setig 'жена' - слово, этимологически не связанное с célu и соотношенное с ним только как парное название 'супруга'. К роли рус. друг друга как выражения взаимности (учитывая синкретизм возвратности и взаимности в славянских языках) интересно отметить, что греч. φίλος может выступать в качестве показателя возвратности.

Важно также отметить, что *drugъ входит в ряд соответствий, образующих балто-славяно-германскую изоглоссу (Станг.). При этом в тех же языках существует и ряд соответствий слав. *drugъ. Даже если этимологически связать эти гнезда не удастся, то предположение об их взаимодействии и ассоциации кажется вполне правомочным, учитывая среди прочих значение 'палка' у ряда представителей второго гнезда (ср. др.-исл. drangr "острый вертикальный камень" - т.е. в сущности "Приап"), роль палок, жезлов как атрибутов дружек (об их фаллическом значении и связи с ритуальной дефлорацией см. [6] ср. также плетку как атрибут жениха и/или дружки). Тогда ср.м.б. прованс.поэт. droit 'любownik' и 'membrium erectum', совр. прованс. 'membrium erectum'. Архаизмом является и такое название дружки, как рус.-диал. волк ср. использование соответствий этого слова в индийском и хеттском праве, связанном с браком-похищением (Уоткинс, Вяч.Вс. Иванов).

В заключении четвертой главы рассматриваются некоторые перспективы дальнейшего изучения лексики, например, отмечается особый статус старославянской терминологии, лишенной этнографического субстрата и соотносимой с греческой терминологией, указываются типы текстов, наиболее продуктивные для изучения свадебной лексики, ставятся вопросы особенностей поведения и реконструкции формул [ср. 20, 21].

В Приложениях к диссертации помещены несколько статей автора (частично опубликованных), некоторые из них написаны совместно с А.К.Байбуриным и в частности из-за этого не были включены в основной текст диссертации. Сюда вынесены работы, в которых рассматривается экстралингвистический контекст, необходимый для ряда рассуждений в основном тексте - т.е. работы, посвященные анализу обряда с этнографической и фольклорной стороны.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Некоторые общие вопросы изучения свадебного обряда // Тезисы IУ Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970. С. 27-30.
2. Свадебный обряд в сопоставлении с другими // Там же. С. 30-35.
3. К реконструкции мотива гибели великанов // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I(5). Тарту, 1974. С.64-68.
4. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С.162-170 (0,5 л.).
5. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.И. Проппа. М., 1975. С.203-219 (1 а.л.).
6. Тезисы к проблеме "Волшебная сказка и свадьба" // *Quinquagenario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Д.М. Лотмана. Тарту, 1972. С.67-85 (1 а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.
7. Комментарий к разделу "Свадебные песни" // Угличские народные песни. Из новых записей русских народных песен. М.-Л., 1974. С.203-242 (2,5 а.л.) - совместно с Л.Ливашневой и В.Лапи-

НЫМ.

8. Some Problems of Meaning in the Folklore Texts - Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1974. Vol.23, p.149-146 (I а.л.).

9. Князь и княгиня в русском свадебном величании // Русская филология. Сб. студенческих научных работ. Тарту. 1975. Вып. IV. С.58-76 (I а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.

10. Об анализе новых записей свадебного обряда // Современность и фольклор: Статьи и материалы. М., 1977. С. 305-311 (0,3 а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.

11. Из лингвистических комментариев к славянскому обрядовому тексту // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С.325-348 (I а.л.).

12. О некоторых экстралингвистических функциях и аналогах категории залога // Russian Linguistics, 1977. Vol. V, N 2, p. 241-244 (0,3 а.л.).

13. Из индоевропейской терминологии обмена (к статье bari в словаре В.М.Иллич-Свитыча) // Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977. С.21-23.

14. Заметки о фольклоризме Блока // Миф-фольклор-литература. Л., 1978. С.172-185 (I а.л.).

15. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С.89-105 (I а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.

16. Ритуал // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т.9 (дополнительный). Стлб. 661-663. - Совместно с И.П.Смирновым.

17. К статье Д.К.Зеленина "Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских" // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К.Зеленина). Л., 1979. С.172-178 (0,5 а.л.).

18. "Инициация и мифы", "Инцест" // Мифы народов мира. М., 1980. Т.1. С.543-547.

19. "Священный брак. Свадьба" // Там же. 1982. Т. 2. С. 422-423.

20. К проблеме изучения корпуса свадебных песен // Народ-

ная песня. Проблемы изучения. Сб. научных трудов / Лен. Ин-т театра, музыки и кинематографии. Л., 1983. С.143-152 (0,7 а.л.).

21. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура. М., 1983. С.152-172 (1,5 а.л.).

22. К проблеме "У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов" // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 229-246 (2 а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.

23. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983, T. 32, p.3-31 (2 а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.

24. Похороны и свадьба // Конференция "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности". Тезисы докладов. М., 1985. С.5-9 - Совместно с А.К.Байбуриным.

25. (реф. на): Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей // Русский фольклор. Л., 1987. Т. XXIV. С.171-180 (1 а.л.) - Совместно с А.К.Байбуриным.

26. Понятие "кода" в исследовании обряда // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. Всесоюзная научно-практическая конференция. Тезисы. М., 1988. Ч. I. С.136-138.

27. Ритуалы и ритуализованные формы поведения // Рациональность и семиотика поведения. Материалы научно-методологического семинара. Киев, 1988. С.53-54.

28. К вопросу о "малых" фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988 Ч. I. С.148-152.

Подписано к печати 5.12.88 . Заказ 168 . Тираж 100

формат бумаги 60x84 1/16, 1 печ.л. Бесплатно.

ПО - 3 "Ленуприздата".

191104 Ленинград, Литейный пр., дом № 55.

Бесплатно